

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Н.В. Жилиякова, В.В. Шевцов,
Е.В. Евдокимова

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ
ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1857–1916):
СТАНОВЛЕНИЕ ЖУРНАЛИСТИКИ
И ФОРМИРОВАНИЕ
РЕГИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Учебное пособие

Издательство Томского университета
2015

о способах пропаганды трезвого образа жизни среди населения (1908. № 41. 22 июня; № 45. 9 июля; № 55. 20 августа; № 85. 17 декабря), о создании народных обществ трезвости (1908. № 46. 13 июля), о проведении первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством (1909. № 53. 22 июля). Этой проблеме была полностью посвящена неофициальная часть № 39 от 15 июня 1908 г., вышедшая как приложение к газете. В статьях «Пьяный бюджет», «Алкоголизм в среде духовенства», «Алкоголизм в средней школе» и других рисовалась безотрадная картина все пронизывающего характера этого порока, который, в том числе, рассматривался в качестве одной из причин, стимулирующих деятельность «борцов за свободу» (1908. № 42. 25 июня; № 50. 30 июля).

С октября 1911 г. неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» утратила свое самостоятельное значение и стала лишь структурным элементом газетного номера. Покушение на П.А. Столыпина (1911. № 63. 4 сентября; № 64. 7 сентября; № 69. 25 сентября) и 300-летие дома Романовых (1912. № 90. 2 декабря; 1913. № 13. 17 февраля) были последними внутривластными событиями, освещенными на страницах неофициальной части. С № 37 от 22 мая 1916 г. «Томские губернские ведомости» вернулись к своей прежней дореволюционной периодичности – газета стала выходить один раз в неделю, по воскресеньям. Ни события Первой мировой войны, ни февральские дни в Петрограде никак не были отражены с правительственных позиций в местной официальной газете. Тираж «Томских губернских ведомостей» в 1913 г. составлял 840 экземпляров.

3.2. «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник» в начале XX в.

В 1900-х гг. «Сибирская жизнь» издавалась по устоявшейся модели, освещая заграничную, российскую, сибирскую и местную жизнь. Однако перед началом Русско-японской войны произошли определенные изменения. Прежде всего, в 1903–1904 гг. на страницах «Сибирской жизни» появились статьи русскоязычного японского корреспондента Фусата Сузуки: учитывая возросший интерес к быту, традициям и обычаям Японии, к организации ее общественной жизни, газета удовлетворяла читательский спрос с помощью многочисленных статей о Японии, публикации иллюстраций на эту тему. Большая часть рисунков и фотографий публиковалась в специальном приложении к «Сибирской жизни», которое выходило с мая

1903 до конца 1904 г. Изданием его занимались Г.Н. Потанин, А.М. Головачев и П.И. Макушин. В приложении помещались материалы о Сибири, о Дальнем Востоке, о Японии, об известных людях – Д.И. Менделееве, М.А. Сперанском и др. В основном это были публикации историко-географического, этнографического характера, хотя встречались и рассказы, и стихотворения.

С началом Русско-японской войны в «Сибирской жизни», как и во многих других российских изданиях, появилась новая рубрика с лаконичным названием: «Война». Новости этой рубрики в основном представляли собой перепечатки из ведущих столичных изданий – «Нового времени», «Санкт-Петербургских ведомостей», «Русских ведомостей», «Русского листка», «Биржевых ведомостей» и др. Военные известия заполнили и другие отделы газеты – «Из последней почты», «О чем говорят и пишут», «Русская жизнь» и так далее. Нередко без указания рубрик перепечатывались отдельные материалы о войне, принадлежавшие в основном перу военного корреспондента «Русского слова» Немировича-Данченко.

Перепечатывались «Сибирской жизнью» и другие литературные и публицистические материалы: статьи В. Дорошевича («Русское слово»), посвященные разным вопросам русской жизни; рассказ М. Горького «Человек» (сборник товарищества «Знание» за 1903 г., № 1); переводы произведений иностранных писателей – «Скорбь» Станислава Бржовского, «Лавры» Каз Тетмайера, «К другу» Ю. Жулавского и т.д.

В газете освещались такие важные для томичей вопросы, как дорожание продуктов питания, размещение раненых. Газета постоянно объявляла о сборе пожертвований на нужды фронта, для помощи раненым, писала о благотворительных обществах (таких как «Дамский комитет для помощи семьям, отцы которых находятся на войне»), о работе студентов-медиков и т.д.

Значительный вклад «Сибирской жизни» в освещение событий Русско-японской войны был оценен читателями: тираж ее вырос до 15 тысяч экземпляров¹.

Революция 1905 г. освещалась «Сибирской жизнью» по возможности широко, однако ее подцензурное положение привело к тому, что газета умалчивала о многих событиях. Для Макушинских события 1905 г. оказались тяжелым испытанием, о чем писал П.И. Макушин: «Кровавые события в Томске в октябре 1905 г., когда жизнь моего

¹ См.: Макушин П.И. Газетно-издательская деятельность... С. 100.

брата Алексея Ивановича подвергалась опасности, когда дом его был разграблен, а я вынужден был скрыться временно из Томска в тайгу на пасеку, настолько потрясли меня, что я решился временно покинуть Томск и для успокоения нервов выехать за границу. Не желая, чтобы "Сибирская жизнь" с моим отъездом хотя бы временно приостановилась, я предложил профессорам университета И.А. Малиновскому и М.Н. Соболеву взять издание газеты на себя. Получив на то их согласие, я 31 октября 1905 г. подал Томскому губернатору соответствующее прошение, и номер газеты от 8 ноября 1905 г. вышел уже за подписью Соболева и Малиновского. Так закончилось мое почти 12-летнее издание и редактирование "Сибирской жизни", явившейся на свет в виде скромного "Томского справочного листка". Тираж газеты ко времени передачи ее Соболеву и Малиновскому был 12700 экз.»¹.

После перехода газеты в руки новой редакции «Сибирская жизнь» стала более политизированной, яркой, многоотемной. К концу 1905 г. она политически самоопределилась в лагере кадетской журналистики: публиковала объявления о партийных собраниях, новости о томском отделе «свободной народной (конституционно-демократической) партии», а в декабре на первой полосе газеты появилось объявление о подписке на 1906 г. на «народную еженедельную газету» «Народные нужды», издание Томского отдела свободной народной партии. В краткой аннотации нового издания говорилось, что в нем «будут помещаться статьи в общепонятном изложении по политическим, общественным и хозяйственным вопросам, по земледелию, медицине и пр., правительственные распоряжения, важнейшие телеграммы». Редакторами «Народных нужд» были объявлены редакторы «Сибирской жизни» – профессора И. Малиновский и М. Соболев. Эта газета выходила в течение 1906 г., всего было выпущено 24 номера.

«Народные нужды» в начале своего издания привлекли внимание читателей, о чем свидетельствует тираж газеты – 7500 экземпляров (первый номер, напечатанный в этом количестве, разошелся без остатка, что газета не раз подчеркивала). В ней помещались материалы о Манифесте 17 октября, рецензии (рубрика «О хорошей книге»), публиковались стихотворения (рубрика «Из родных поэтов»), велся отдел «От редакции» – переписка с авторами, и так далее. Разнообразие тем, жанров, особая подача материала (приближенная

¹ Макушин П.И. Газетно-издательская деятельность... С. 100.

к пониманию малообразованного селянина), обилие полезной информации (о воспитании телят, о болезнях и лечении домашних животных, о пчеловодстве и т.д.) делали «Народные нужды» действительно интересным изданием. Однако со временем в газете на первый план вышла политика, полемика с октябристами и черносотенцами, появились многочисленные перепечатки, и «Народные нужды» утратили привлекательность для читателей, несмотря на свою дешевизну (годовая подписка составляла всего один рубль). Участие сотрудников «Сибирской жизни» в «Народных нуждах», сходство направления, общая тематика позволяют рассматривать «Народные нужды» и как самостоятельную газету, и как приложение к «Сибирской жизни».

В январе 1906 г. в Томск прибыл К.С. Нолькен: после введения в Томске 12 января военного положения он принял на себя обязанности Томского временного генерал-губернатора. 6 октября 1906 г. вышло постановление Нолькена о приостановке «Сибирской жизни» на три недели; затем газеты приостанавливалась еще на 6 месяцев. В это время вместо нее начала выходить газета **«Сибирская мысль» (1906–1907)**. Разрешение на это издание было получено еще в августе 1906 г. присяжным поверенным М.Р. Бейлиным (первоначальный вариант названия – «Сибирская речь» – был изменен в связи с выходом одноименной газеты в Иркутске).

Самостоятельного значения «Сибирская мысль» не приобрела и с возобновлением «Сибирской жизни» с апреля 1907 г. прекратила свой выход. «Сибирская мысль» рассылалась подписчикам «Сибирской жизни»; в газете публиковалась подписка на «Сибирскую жизнь»; издания были связаны преемственностью в структуре и концепции номеров, у них был общий состав сотрудников, и это позволяет рассматривать «Сибирскую мысль» как одно из «звеньев» газетной «цепочки» «Томский справочный листок» – «Томский листок» – «Сибирская жизнь» – «Сибирская мысль» – «Сибирская жизнь».

В 1909 г. «Сибирская жизнь» приняла участие в обсуждении шумевшего сборника «Вехи», изданного в Петербурге: этому событию был посвящен целый ряд публикаций, принадлежавших перу авторов-сибиряков. Это материалы П. Николаева «Раздумье у "Вех"», анонимный «Сборник "Вехи" перед лицом русской действительности» и объемное исследование профессора И. Малиновского «Начальная страница из истории русской интеллигенции (ответ

авторам "Вех")», впоследствии изданное отдельной брошюрой (объявление о списке произведений И. Малиновского в книжном магазине Макушина). Публицисты «Сибирской жизни» отмечали, что «ни одна книга русских писателей не вызывала за последнее время столько шуму и толков в печати, как только что вышедший сборник "Вехи"; в нем наша интеллигенция подвергнута всестороннему рассмотрению». Замечая, что «книга в высшей степени интересна», авторы считали: «знакомство с ней является прямо-таки долгом всякого, считающего себя интеллигентным лицом». Опираясь на мнения русских журналистов, высказанные по поводу «Вех» в «Современном мире» (Луначарский), «Русском слове» (Григорий Петров), «Русском богатстве» (Пешехонов), авторы «Сибирской жизни» критически оценивали сборник, объясняли его появление так называемой «болтливостью», «высказыванием своих ощущений и мыслей без этически необходимой сдержанности». Основная тональность «Вех», по мнению «Сибирской жизни», – «инстинктивная ненависть авторов "Вех" к поглощающему личность массовому движению»¹.

Материал И. Малиновского о «Вехах» представлял собой публикацию его лекции. «Вопрос о "Вехах" – злоба дня», – утверждал профессор, и потому он считал необходимым откликнуться «на эту злобу дня». Малиновский оценивал сборник как «суд над русской интеллигенцией», произведенный «по всем правилам судопроизводства», с вынесением обвинительного приговора. Из всех пунктов обвинений автор «Сибирской жизни» счел необходимым ответить на обвинение Гершензона в том, что русские интеллигенты «не жили, а делали общественное дело». Для этого Малиновский предлагал вспомнить одну из страниц истории русской интеллигенции, «начальную страницу», на которой «начертано» «два дорогих имени»: А.Н. Радищев и Н.И. Новиков. Профессор подробно рассказывал о жизни и деятельности «двух благороднейших людей, которые являются родоначальниками русской интеллигенции», так как, по его мнению, именно они «водрузили те "вехи", которые должны указывать путь русской интеллигенции»: «общественная самостоятельность, жизнь для общества, для народа, любовь к народу, просвещение народа»². Именно на эти «вехи», а не на те, что были указаны

¹ См.: *Сибирская жизнь*. 1909. № 128, 133, 254–256; 1910, № 41.

² Там же. 1909. № 256.

в сборнике, предлагал ориентироваться Малиновский всей современной русской интеллигенции.

Необходимо также отметить, что в 1907–1908 гг. «Сибирская жизнь» вновь обратилась к теме областничества: она была связана главным образом с новыми молодежными кружками, члены которых стремились к изучению Сибири и потому в качестве образца избирали деятельность областников. Характернейшим примером может служить цитата из статьи «Сибирский кружок томских студентов», в котором утверждалось: «Сибирское общество имеет в прошлом целую плеяду истинных патриотов Сибири, ратовавших за ее светлое будущее, болевших за окраину и на служение ей отдававших все силы своего ума и сердца. Чем же наиболее достойно может почтить память лучших своих граждан возрождающаяся Сибирь? Нет и не может быть лучшего памятника, как проведение в жизнь заветов "лучших граждан окраины", и это будет памятник поистине нерукотворный!».

Автор статьи считал, что именно университетская молодежь является идейным наследником областничества, так как «самые светлые, широкие надежды возлагали патриоты Сибири на сибирский университет, в нем они видели разрешение "сибирской проблемы", с университетским вопросом в уме патриотов Сибири неразрывно соединялось представление о новой эре исторической жизни Сибири. И вот сибирскому университету они завещали великую миссию: разработку научных знаний в области этнографии, географии, естествознания и экономики и проч., развитие культурного уровня сибирского общества, развитие в нем областного самосознания и гражданской доблести, сплочение разбросанного по тундрам и лесам необъятной Сибири ее многочисленного инородческого элемента в одно целое путем приобщения его к началам науки и гуманизма и воплощение его в общественных формах истины и справедливости. Такова миссия университета молодой Сибири»¹.

Добавим, что на страницах «Сибирской жизни» высказывались мысли и о недостаточном влиянии томских высших учебных заведений на жизнь региона. Автор «Маленькой заметки (об общеобразовательных экскурсиях)» под псевдонимом «Старый сибиряк» отмечал: «С учреждением университета и технологического института Томск приобрел значение умственного центра Сибири. Он приобрел это значение, но не осуществил его в должной мере, не сделался еще

¹ Сибирская жизнь. 1908. № 2.

умственным центром огромного края, не вошел в тесную связь с его частями, не установил между собой и ими того взаимодействия, на которое он способен и для чего он вполне приспособлен». Публицист считал, что «оба этих учебных заведения служат до сих пор лишь школой для поступающей в них молодежи, стекающейся со всех концов России, и, может быть, в такой же мере обслуживают нужды кавказской молодежи, как и сибирской, не углубляя и не разветвляя своего влияния в том крае, для которого эти учреждения созданы»¹. «Старый сибиряк» высказывал пожелание «широкого приобщения» сибирского общества к «сокровищнице знаний» посредством не только общеобразовательных экскурсий, но и публичных лекций, выставок.

Создание Сибирского кружка томских студентов в 1908 г., Томского общества изучения Сибири в 1909 г. стали показателем возросшего общественного интереса к идеям «местного патриотизма» и своеобразным «катализатором» всестороннего изучения Сибири.

Газета отмечала возросший интерес к Сибири и на общероссийском уровне. Так, например, в материале «К изучению Сибири» перечислялись научные экспедиции, которые отправляли за Урал Академия наук, музей Императора Александра III и другие учреждения. В материале «Маленькие заметки» автор под псевдонимом «Старый сибиряк» обращал внимание читателей на Общество изучения Сибири, созданное в Петербурге; регулярно появлялись сообщения о проведении «сибирского вечера в Петербурге», о деятельности сибирского землячества в Москве и т.д. Рубрику «На сибирские темы» в течение 1908 года вел «Обский», рассматривая вопросы взаимодействия российского центра и сибирского региона².

В материале М. Курского «В заботах о крае» автор обращал внимание читателей на изменившийся статус региона: «Как перестала Сибирь быть местом отброса негодного населения Европейской России, так пора ей перестать быть исключительно поставщицей своих богатства для жизни метрополии и нести роль ее питательницы. Она уже не может выполнять роль колонии, оставляемой в черном теле, – насколько в ней развилась и окрепла гражданская жизнь с вполне осознанными духовными потребностями». М. Курский подчеркивал положительную роль Русско-японской войны для Сибири, поскольку в это непростое время регион «духовно и граждан-

¹ *Сибирская жизнь*. 1909. № 20.

² Там же. 1908. № 74, 75, 89, 243, 256; 1910. № 122, 140.

ски созрел». Однако этого, по мнению автора, не замечал центр: «Москва по-старому хозяйничает в Сибири, считая ее своей вотчиной»¹. Выходом из сложившейся ситуации Курский считал сибирский съезд, на котором можно было бы обсудить нужды Сибири, ее экономические перспективы.

О стремительных изменениях в жизни региона говорил и автор цикла «Калейдоскоп. По градам и весям»: он обращал внимание читателей на причины этих трансформаций, «такие крупные явления, как постройка «Великого сибирского пути», грандиозное переселенческое движение, великие политико-нравственно-умственно-физически-психические встряски, именуемые "днями свобод"» и так далее. Вопрос: «Где же Сибирь?» являлся «центром» всего материала: общественная жизнь ее, внешний облик городов, население теперь не имеет, по мнению автора, специфических «самобытных» сибирских черт, и это отмечено как положительная тенденция. Автор утверждал, что в итоге «приобщения» Сибири к общерусской жизни «есть и хорошее, есть и дурное, очень дурное. Но нет уже прежней изолированности, дичи "медвежьего угла"»². Тем не менее, несмотря на все изменения, авторы «Сибирской жизни» отмечали, что в России по-прежнему сохранялось отношение к Сибири как к глухой провинции: этой проблеме был посвящен материал Г. Потанина «Какой-то Ташкент» (1910. № 82).

Силами приверженцев областничества в Томске 20 февраля 1909 г. был организован «Сибирский вечер», в программу которого вошли: «1) татарское отделение (12 номеров пения и музыки); 2) хоровое (3 номера); 3) якутская сказка; 4) камлание (прибыл шаман с р. Катуня); 5) монгольское отделение (4 номера); 6) бурятское отделение (4 номера); алтайские мелодии; русские песни (оркестр балалаечников); 9) русская пляска». Ответственным распорядителем вечера был Г.Н. Потанин, одним из организаторов – А.В. Адрианов. Подчеркивая, что уже приготовления к сибирскому вечеру вызвали у публики большой интерес, Адрианов выступил на страницах газеты с подробным описанием будущих номеров. Он акцентировал внимание читателей на том, что вечер преследует две цели: одна из них – благотворительная, это сбор средств для петербургского и московского обществ вспомоществования учащимся сибирякам. Другая, не менее важная, – постараться, чтобы «этот вечер носил подлинную этно-

¹ Сибирская жизнь 1908. № 6.

² Там же. 1909. № 17.

графическую окраску, чтобы широкая городская публика имела возможность вынести впечатление о некоторых сторонах подлинной жизни населяющих Сибирь народностей».

Адрианов отмечал, что «наибольший интерес публики, по справедливости, сосредоточен на камлании, то есть изображении шаманского священнодействия», кратко описывал суть «религиозных воззрений шаманистов», а также дал характеристику приглашенному шаману, алтайцу Мампью. Непосредственно с «Сибирским вечером» были связаны публикации: «Алтайский кам» Г. Потанина, «На сибирском вечере» Георгия В-ина, отчет о доходах в рубрике «Томская жизнь», «Пребывание кама в Томске»¹. Публицисты отмечали, что «кроме несомненного образовательного и эстетического значения, вечер имеет еще ту положительную сторону, что он явился прекрасной попыткой объединения представителей различных сибирских народностей, а среди интеллигентных русских сибиряков усилил интерес к самобытным чертам природы и жизни нашей великой окраины»². Мероприятие имело и материальный успех: в итоге было собрано 2233 р. 64 к., из которых половина покрыла расходы на организацию, а около 1200 было передано «в пользу недостаточных сибиряков, обучающихся в столичных высших учебных заведениях».

Наконец, авторы «Сибирской жизни» подчеркнули обоюдную пользу как для публики, так и для участников, задействованных в вечере. Так, по мнению Адрианова, большое значение имело выступление для татар: «замкнутые до сих пор в своей жизни и ограждаемые китайской стеной сложившихся обрядовых условий мусульмане делают первый шаг пробить эту стену и выступить на более широкий путь культурного развития. Очевидно, течения мысли передовых слоев проникли и в эту замкнутую среду, достигли глубже лежащих слоев»³. Также публицисты отмечали: «Если томичи, вытаскивая из недр Алтая истого сына его, кама Мампья, и устроили для себя целый ряд зрелищ из его действий, как представителя шаманской веры, зато и дали ему очень много, знакомя его с разными сторонами жизни большого культурного города и с разными лицами»⁴. Шаману показали цирк, кинематограф, телефон, электрическое освещение, познакомили с процессом печатания газеты. Алтаец согла-

¹ *Сибирская жизнь*. 1909. № 39, 41, 42, 46.

² Там же. 1909. № 41.

³ Там же. 1909. № 38.

⁴ Там же. 1909. № 46.

сился также дать еще два сеанса камлания 26 февраля: один из них был проведен в технологическом институте, и профессора и студенты могли проводить измерения температуры, пульса шамана.

Таким образом, можно констатировать, что газета действительно выполняла задачу, сформулированную в своей программе: «С особой тщательностью редакция будет знакомить читателей с нуждами и интересами Сибири, сообщая факты ее повседневной жизни и давая им посильное освещение» (из объявления о подписке на 1909 г.).

«**Сибирский вестник**» выходил без особых изменений до 1902 г., когда М.Ф. Картамышева передала редактирование газеты присяжному поверенному Н.Н. Соину¹. В объявлении о подписке на 1904 г. заявлялось, что «с 1 июля 1903 г. газета выходит при обновленном составе сотрудников», «по программе больших провинциальных газет». В газете принимали участие и «обещали свое сотрудничество» крупные публицисты, известные общественные деятели: профессора, юристы М.И. Боголепов, П.В. Вологодский и Р.Л. Вейсман, писатель Г.А. Вяткин, бывшие политические ссыльные Д.А. Клеменц, С.П. Швецов, А.Н. Шипицын, а также путешественник и исследователь Г.Н. Потанин. Необходимо заметить, что многие из членов «Сибирского вестника» периода 1905 г. были бывшими сотрудниками «Сибирской жизни», они вышли из газеты в результате внутриведомственного конфликта (Швецов, Вологодский, Шипицын, Вейсман и др.). Также подчеркивалось, что «на участие в газете выразили согласие Вл. Гал. Короленко, Реус, В.И. Семевский и А.А. Кауфман». В газете было заявлено 19 разделов, а вот цена была значительно снижена – до 5 рублей в год.

О причинах возрождения газеты, начавшегося в 1904 г., Вс. Крутовский писал так: с одной стороны, это японская война, когда «большинство сибирского населения, способного носить оружие, принуждено стать под знамена и спешить в Маньчжурию, откуда идут безотрадные вести. Население заволновалось, исход войны и даже самая ее длительность могли многих разорить и обездолить. Газеты покупались нарасхват. В глухих деревнях с жадностью читали всякую весточку из Маньчжурии, всякий намек на возможность мира». С другой стороны – «это были годы перелома. Война оказалась последней каплей, переполнившей чашу. Повсюду раздавались крылатые слова: "нам нужна реформа, а не реформы!". Газеты приобрели в России впервые свое настоящее значение. "Сибирский

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1010. Л. 1–2.

вестник" в этот исторический момент уловил настроение масс, проникся их верой и с падением цензуры широко использовал все возможности свободного слова. Более того, в критическую минуту, когда общее воодушевление ждало конкретных выходов, редакция "Сибирского вестника" возвысилась до идейного руководства общественным мнением. <...> За эти последние месяцы своего существования "Сибирский вестник" принимает все более и более яркое народническое направление, в то же самое время не теряя связи и с новейшими проявлениями областничества¹.

20 марта 1905 г. издателем газеты «Сибирский вестник» был утвержден бывший политический ссыльный, революционер-народник М.Н. Загибалов. Руководимая им газета стремилась к «проведению в сознание и жизнь народной массы начал гражданской свободы, справедливости и права на общее человеческое счастье», ставила целью «полное самоопределение нашей родины в ее общественных делах», возможное, по мнению газеты, «только с учреждением Сибирской областной думы». На страницах «Сибирского вестника» отражается насыщенная бурными революционными событиями 1905 г. жизнь России, Сибири. Боевой тон выступлений, резкая критика правительственных действий, обсуждение актуальных общественных проблем резко повысили популярность газеты.

Однако все это вызвало недовольство властей, что привело к закрытию «Сибирского вестника»: 31 декабря 1905 г. издание было прекращено по телеграфному распоряжению командующего войсками Сибирского военного округа². Исследователи отмечают, что попытка возродить «Сибирский вестник» под названием «Вестник Сибири» (ежедневная «газета политики, литературы и общественной жизни», редактор И.П. Баев) не увенчалась успехом, в январе 1906 г. вышел только один номер этой газеты³.

Так завершилась история «Сибирского вестника», которая распадается на три части, относительно независимые друг от друга. Основанный как «орган русских людей», полемичный, во многом непоследовательный, но с четко выраженной «физиономией», со сменой руководителя «Сибирский вестник» отошел от первоначаль-

¹ Крутовский В. Периодическая печать в Томске... С. 297.

² Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска. Томск, 2003. С. 112.

³ См.: Косых Е.Н. «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни»... С. 312.

ной программы и без особенных затруднений вписался в ряд сибирских частных органов печати. Современники считали, что при Прейсмане, «под новой редакцией в литературном смысле «Сибирский вестник» значительно проиграл», и к тому же над ним «тяготело» «упорное недоверие общества»¹; однако речь шла скорее о смене позиции, не отличающейся особой резкостью. Своеобразные черты, еще более отдаляющие «Сибирский вестник» от первоначального замысла, приобрела газета в 1904–1905 гг., в связи с начавшейся политической дифференциацией печати. Все эти изменения, безусловно, были обусловлены не только сменой руководства, но и движением общественной и литературной жизни России, Сибири, Томска. В этом смысле газета старалась соответствовать новым тенденциям, отслеживать крупные события не только местной, но и общероссийской, и зарубежной жизни.

В отличие от «литературоцентричной» «Сибирской газеты», «Сибирский вестник» наполнялся в основном «второсортной» беллетристикой местных авторов и переводными произведениями, из событий литературной жизни отслеживал только самые крупные (такие как Пушкинский юбилей). Крупные литературные силы ему удалось привлечь лишь перед самым закрытием: изменившаяся общественно-политическая позиция открыла двери для литераторов-областников, демократов.

Что же касается областнической идеи, то газета, основанная с целью противостоять «местному патриотизму», в начале XX века «принютилась» идеолога областничества Г.Н. Потанина, теперь уже разделяя его воззрения на прошлое и будущее Сибири, ее колониальный статус, требующий изменения. Областничество – сначала как «жупел», затем как «союзник» – оказалось тесно переплетено с историей газеты, определило ее облик и получило дальнейшее развитие как один из важнейших факторов формирования регионального самосознания сибиряков в период Первой русской революции.

3.3. Новые томские газеты 1903–1909 гг.

Наряду с продолжающимися крупными изданиями Томска в городе в начале XX в. выходили газеты, представляющие собой интерес как эксперименты в области типологии. Одним из таких изданий

¹ Крутовский В. Периодическая печать в Томске ... С. 295.